

Елена Голубкова

Осколки. рассказы

Елена Голубкова
Осколки. рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12196989

ISBN 9785447427313

Аннотация

Тексты с ее странички в Интернете популярны, они смешат и веселят. Иногда заставляют задуматься. Они откровенны, немного ироничны. Но светлы и полны оптимизма.

Содержание

Версавия	5
Олимпиада Бензолъевна. О важности жизненного выбора	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Осколки
рассказы
Елена Голубкова

© Елена Голубкова, 2015

© Наталья Рубцова, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Версавия

Одно из первых осмысленных воспоминаний – она. Репродукция, потом – набросок, проступающий рисунок...

Стол (чертежный, с наклонной доской), солнце, пахнет деревом (дедушка только что отпилил кусок фанеры), вижу мамин профиль, брови нахмуренны – и она рисует ее. Линия груди, белая рука, масляный блеск кожи служанки... стрекоза, я люблю ее не могла. И струйка воды в бассейне. Наверное, ей нужно было очень.

Все мое младенчество моя мама, примеривая что ли на себя все это – беспардонного упрямого младенца, несложившийся брак, изменившуюся себя – рисовала и рисовала. Бесконечно. Всех рафаэлевских Мадонн. У сестры дома хранятся эти рисунки – мадонны обнимают пухлощеких ангелочков (я в это время съела банку витаминов, повергнув участкового педиатра в шок), нежно гладят их сонных (я соответственно вместо дневного сна в яслях сделала подкоп, подговорив на это пухлого Олежку – он казался мне крайне перспективной копательной силой) ... Мадонны, надо сказать, мне совершенно не нравились. Они как одна были похожи на поликлиническую медсестру Нюсю, от которой ни один ребенок не ждал ничего хорошего. И вот эти вот «тютютю, тебя сейчас комарик укусит!» не способны были обмануть даже грудничков. 5тью годами позже, моя новорожденная сестра вы-

била ей зуб, закрепив мнение о нас с ней, ах, как жалко – такая семья хорошая, а эти – бандитки просто! Мадонны множились и множились, материнство как-то не укладывалось в голове...

А потом она взяла ее.

На смену вороху бумаг с мадоннами пришел отпиленный кусок фанеры и репродукция Брюлловской Версавии. Матушка почему-то с остервенением работала над телом – бедра, живот... Арт-терапия? Может быть. Остальное лишь наметив, фанерную копию убрали... Сначала в шкаф, потом на антресоли... Эта фанера кочует со мной долго. Почему-то я ее увезла (матушка замахала руками – делай с ней, что хочешь!) ... Меня вначале возмущало совершеннейшее несоответствие копии – той, исходной. У нее вообще другое тело, намеченное лицо – имеет хоть и похожие, но совсем иные черты. Темные брови, огромные глаза. Прекрасная эфиопка рядом – так и не была дописана, не говоря уже о моей любимой стрекозе. Понадобилось много лет, чтобы я поняла, что это... попытка изобрести себя заново. Найти. Понять. И нельзя там что-то править. Я дописала все. Моя Версавия – получилась наверное совсем другая, чем та, которую дописала бы тридцать лет назад матушка. Она очевидно взрослее и юной жены военачальника у Брюллова. У эфиопки больше общего с Виолой Дэвис, чем со служанкой на подлиннике. Но эта – моя – Версавия расплетает волосы. Журчит вода, наполняя бассейн. Шелковые сандалии лежат на бортике.

Летают стрекозы. Круг замкнулся.

Олимпиада Бензолъевна.

О важности жизненного выбора

Я до 9го класса училась в СШ №3 г Ростова-на-Дону. Конно-спортивной школе №3, по меткому выражению моего соседа по парте Борьки Полегаева. В смысле, мы там все были с хорошими и отличными оценками. Но. Знаний в нас было... Немного. А оценки – все выживали как могли. У меня злом всех зол была физика. Я вообще не понимала, что происходит. С этим пытались бороться, бабушка даже уговорила младшего сына своей подруги бабы Али заниматься со мной дополнительно. Жутко старый дядька (лет 25ти) выглядел приговоренным к повешению, как помниться. Я приходила, мы садились в гостиной за круглый стол с бархатной скатертью. Первое занятие – он пытался мне что-то объяснить. Рядом сидела на диване его мама и читала газету. Я понимала много что... Что у них старинная латунная клетка, и в ней живет канарейка. И подзорная труба, верите? На вопрос несчастного Гены – «ты поняла?», я говорила – «угу»,. Гена сначала обманывался и после «угу» давал задачу решить самой. Я бодро записывала условие. А дальше – тишина... Гена понял, что Софьи Ковалевской из меня не выйдет, но Генина мама – это было ой. Поэтому абсолютно не стовариваясь, пигалица 14ти лет и молодой парень

с дипломом физмата – давали гастролы. Пару раз в неделю я тащилась к ним домой, садилась за круглый стол. Баба Аля доставала свою газету. Гена делал строгое лицо и спрашивал, какую тему проходим. Я называла. Делая вид, что объясняет, Гена решал мне домашку. А теперь – сама. И я гордо переписывала с его листка себе в тетрадь. Молодец! Говорил Гена. Контрольные я «болела», так что все потихоньку налаживалось. Гена привык к моим задачкам как к касторке, баба Аля забывала про газету и пила со мной чай. А потом в классе нас пересадили, и мой новый сосед Юрка Родионов оказался вообще не такой веселый, как Борька, но знающий физику человек! И начался у нас бартер. Дело происходило так. Сначала я писала сочинение себе. Потом, делая вид, что переписываю с черновика, писала Юрке. Юрка, кося глазом, перерисовывал текст. Однажды – даже вместе с «Сочинение ученицы 9го А Крикиной Елены». На физике – ровно наоборот, косила глазами я. В общем, полная гармония. И тут случился со мной сильно модный лицей. Юрки не было. Что делать непонятно. А еще – мало физики будто было. Началась органическая химия. Мама. Нет, мааааааа!!! Бензольное кольцо и хлористоводородный диметилморфин. Что делать было непонятно. Но. Все мы люди, даже учителя. У химички была слабость. Она обожала лабораторные работы. И я стала тетрадь с этими лабораторными оформлять... Куда там MARVEL, им потеря медали не грозила. Там были зарисовки кипящей колбы и перемешиваю-

щихся растворов. Учительница уверовала, что я гений химии. И... таадаам! Записала меня на городскую олимпиаду. Меня. На городскую олимпиаду по химии. У меня были варианты – умереть, пойти и умереть, не пойти – тогда лучше сразу умереть. До олимпиады была неделя и выучить химию за этот период – миссия невыполнима. Без одной мысли в голове, я ехала туда на троллейбусе. Боже мой, сколько там было народу! И у всех на лбу написано, что ночью разбуди – все про бензольное кольцо ответит. Все были с книжками, тетрадками, что-то лихорадочно дочитывали... Я прям затосковала. Нас разделили на группы и развели по классам. Один на парте, перед тобой листок с заданием и все... Я стала по круглостольной привычке переписывать задание. Угу. Ни Гены, ни Юрки. Черт. Сдать пустой листик – ну это же полная лажа, меня тут же обнаружат. Что делать, оглядываюсь вокруг – эти Форесты Гампы строчат, черкают что-то в черновиках... И я вижу, что мы находимся в кабинете физики. И – над доской какие-то формулы. Угу. И я переписываю их, в произвольном порядке подставляя значения. Красиво и стройно. Покончив с этим делом за полчаса, я поняла, что еще несколько минут и меня отвезут отсюда в смири-тельной рубашке. Я с гордым видом сдала работу и на негнущихся от ужаса ногах вышла из класса. Пока я шла до двери мне все казалось, что сейчас услышу: «Девочка, постой! Что ты тут сдала???»». Я ехала в школу на следующий день, как на Голгофу. На восторженные вопросы химички сказала, что

почти ничего не помню, так переживала. Что подумали члены комиссии и какое место я там заняла навсегда осталось тайной. Но на олимпиады меня больше не отправляли. Ой, только по французскому, но это уже совсем другая история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.